

Яков Ильич Гилинский

доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Академия Генеральной прокуратуры РФ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: yakov.gilinsky@gmail.com

Самуилу Ароновичу Кугелю о С. А. Кугеле и Науке

Дорогой Самуил Аронович! Сколько лет мы с тобой знакомы? Тридцать? Сорок? Может, сорок пять? И все эти годы ты был и остаешься блестящим ученым, прекрасным человеком, преданным Науке всем своим существом. Твои заслуги перед Социологией Науки безмерны и бесценны. Твое детище — Международные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» (с 1970 года!), переросшие в Международную школу социологии науки и техники (с 1991 года), — уникально и сплотило десятки, сотни специалистов в области науковедения. Привлекая лучшие умы со всех континентов, ты всегда вежлив, деликатен, но настойчив... Сколько раз я, уголовник, пытался уклониться от твоего предложения принять участие в работе очередной Школы (ну, не мой это профиль!). Но ни разу мне это не удалось, тебе невозможно было отказать. И каждый раз я не жалел, что согласился, так интересны были доклады участников Школы. Твоей Школы.

Здоровья тебе и долгих лет жизни!

И мой скромный подарок к твоему юбилею — предлагаемый ниже текст на уже не раз озвученную мною тему: наука как девиантность, ученый как девиант...

Научное творчество как девиантность

Гений не следует нормам,
он нарушает и создает их.

И. Кант

Как известно, еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций Питирим Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли: «В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления-наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется тою же научною мыслью. Мы говорим о “подвигах и наградах”. Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны» (Сорокин, 1992: 77). Но еще

большой «курьез» состоит в том, что «курьез», отмеченный Питиримом Сорокиным в 1914 году, сохраняется до сих пор, как в мировой, так и, особенно, в российской науке. Если в океане мировой девиантологической литературы можно найти «островки» работ о позитивных девиациях («подвигах»)¹, то в отечественной — это лишь постановочные работы при отсутствии необходимых эмпирических социологических исследований.

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего — слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием — общее место истории науки, техники, искусства. *Новое* всегда выступает *отклонением* от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. Вообще «каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святости, бунтом против старого, но освященного привычкой порядка» (Энгельс, т. 21: 296). При этом чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

Неудивительно поэтому бесчисленные высказывания о связи гениальности и безумия, о патологии творчества, об изначальной (генетической) отягощенности творческой личности и т. п., достигшие наибольшего признания среди последователей фрейдизма. У гениев ищут — и находят — следы «вырождения», как Ч. Ломброзо находил их у преступников... В отечественной литературе в этом отношении представляют интерес выпуски «Клинического архива гениальности и одаренности (эвропатологии)», посвященные «вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества», выходявшие в Свердловске (мне известны четыре тома — с 1925 по 1928 годы). Из современных работ этого направления представляет интерес книга «Экспедиция в гениальность»². Психопатология известных политических деятелей — Цезаря и Калигулы, Карла IV и Карла VI, Ричарда III и Наполеона, Жанны д'Арк и Робеспьера и многих других — исследуется в двух книгах (под одним названием и одного года выпуска) Ивана Лесны (Лесны, 1990).

Естественно, что предметом социологии служит творчество как социальный феномен, а не индивидуальный творческий акт (предмет психологии и истории). Но именно социологии творчества повезло у нас менее всего. Может быть, это связано с тем, что ни в годы сталинизма, ни во времена «застоя» общество — следуя за вождями — не предъявляло спрос на социальное творчество. А недолгий период хрущевской «оттепели», всколыхнувший научную мысль, литературное, художественное творчество, был слишком краток для серьезного социологического осмысления и формирования социологии творчества как относительно самостоятельного направления. Горбачевская перестройка открыла невиданные перспективы для развития любой отрасли знания, но продолжалась, увы, недолго. В современной же России (стабильные 2000-е) приветствуется единомыслие, угодное власти,

¹ Ben-Yehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // *Deviant Behavior*. 1990. Vol. 11, № 3. P. 221–243; Heckert D. M. Positive Deviance: A Classificatory Model // *Free Inquiry in Creative Sociology*. 1998. № 26 (1). P. 23–30; Kwasniewski J. Positive Social Deviance // *The Polish Sociological Bulletin*. 1976. № 3 (35). P. 31–34; Sagarin E. Positive Deviance: An Oxy-moron // *Deviant Behavior*. 1985. № 6. P. 169–181.

² Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности (Патографические описания жизни и творчества великих людей) / Г. П. Колупаев и др. М.: Новь, 1999. См. также: *Кречмер Э. Гениальные люди*. СПб.: Академический проект, 1999.

и доходящее до невиданного даже в советское время ханжества и мракобесия... И не наука нужна, а имущество былой Академии наук...

Эвристически перспективными являются, с нашей точки зрения, исследования социального творчества как формы (вида, проявления) девиантности. Как различные виды творчества, так и различные виды нежелательных для общества проявлений — суть *формы социальной активности*³. При всей их общественной разнотности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, *выход за рамки привычного, за пределы нормы*. «Творчество осуществимо и объяснимо только как выход за пределы всякой заранее данной ограниченности, как результат способности со временем преодолеть любой заранее данный предел, *создать принципиально новую возможность*» (Батишев, 1967: 95).

Если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается, по существу, систематическое «уклонение от нормы»» (Обсуждение методологических проблем творчества... 1979: 165), если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира обыденного сознания» (Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР, 1976: 114), то отклонение от социальных норм может носить и негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркотизм, проституция (вообще продажность). Иными словами, «уклонение от норм» может быть, с позиций социального целого, объективно полезным, прогрессивным, служащим механизмом поступательного развития общества, или же общественно опасным, задерживающим его развитие.

Эта сложная, диалектическая, поражающая обыденное сознание связь не только нормы и аномалии, но и полюсов отклоняющегося поведения издавна привлекала творцов. Это и пушкинское «гений и злодейство — две вещи несовместные», и мучительные искания Ф. Достоевского, доходившие «до последнего предела» и переходившие «за черту», «бесовщина» и метания от «высших типов человека» к человеку гнусному «до последней степени», и мысль П. Хиндемита о том, что преступление и творчество — две стороны единого процесса, и наконец, преследовавшая Т. Манна мысль: *творчество как преступление*. В интереснейшей, незавершенной статье «Проблемы творчества в произведениях Томаса Манна», Б. С. Грязнов пишет: «Любое творчество — всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова... Творчество (преступление) как *созидание*. Художник может стать сильнее отпущенного ему природой (Богом), но для этого он должен совершить преступление против природы (Бога), т. е. творчество оказывается делом дьявольским... Итак, творчество есть боль, страдание. Творчество... есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм» (Грязнов, 1982: 249–251). Последнее — ибо, чтобы решиться на преступление, требуется отвага («героизм»). Впрочем, в общей форме это было сформулировано еще Гегелем: «Доблесть несовместима с невиновностью, как поступков, так и переживаний. Вполне совершенная нравственность противоречит доблести» (Гегель, 1971, т. 1: 265).

³ Интересный, развернутый анализ творческой (креативной) активности, наряду с «рациональной» и «нормативной» деятельностью, представлен в кн.: *Йоас Х. Креативность действия*. СПб.: Алитей, 2005.

Даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть девиации!), в действительности развивается по своим законам, и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы «нормальной» науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т. п.), пока не заменит былую парадигму, само став таковой (Кун, 1975; Кун, 1971). Поэтому «наивысшие достижения научной мысли всегда представляли собой выход за рамки парадигмальных норм, за пределы “нормальной науки” и венчали собой крайне напряженное переживание жизни в ее полноте и целостности. Эти высшие достижения существовали изолированно и обособленно, не будучи включенными в контекст научных знаний эпохи (Г. Галилей, А. Эйнштейн, К. Маркс), и проходило, зачастую, очень много времени, пока они обретали характер более или менее общепринятых и согласующихся с предшествующим опытом научного развития» (Ионин, 1981: 111–112). Таким образом, научное творчество может выступать как деятельность, отклоняющаяся не только от нормы нетворческого существования, но и от норм самого научного сообщества.

Разумеется, то же самое относится и к художественному творчеству. Достаточно вспомнить восприятие (точнее — неприятие) новых художественных стилей, течений, направлений (импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, сюрреализм, абстракционизм и прочее) со стороны не только читателей, зрителей, слушателей, но и собратьев по искусству.

Вообще имеется определенная иерархия противоречий общественного развития, образующая иерархию причин девиантного поведения. Здесь лишь заметим, что творчество выступает попыткой, средством разрешить противоречия между универсальностью, тотальностью человеческой жизнедеятельности и ее социальной формой, существующими нормами, стандартами, эталонами; между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения. *Девиантность есть прорыв социальной формы тотальной жизнедеятельностью.* Так, «Фауст, находя человеческие границы слишком тесными, со всей необузданной силой пытался поднять их над действительностью» (Гегель, 1971, т. 2: 544).

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности служит «социальная неустроенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения. Очевидно, социальной неустроенностью объясняется повышенная активность (как «позитивная», так и «негативная») маргинальных групп, аутсайдеров, «исключенных». Объективный социологический феномен социальной неустроенности нередко интерпретируется как повышенная трагедийность существования творцов: «Страдание составляет привилегию высших натур... Великий человек имеет великие потребности и стремится удовлетворить их. Великие деяния проистекают только из глубокого страдания души» (Гегель, 1975, т. 2: 506).

Действительно, рассматриваемое с позиции социальной обусловленности поведения творчество, наряду с другими феноменами социальной активности (так же, как и социальной пассивности), должно изучаться как следствие вполне определенных условий существования, как одно из возможных проявлений поисковой активности, как средство разрешения противоречий общественной жизни и конфликтных ситуаций, как способ самоутверждения, а «противоречия и аберрации

индивидуального творчества — как выражение общественных социальных аномалий» (Киссель, 1976: 15).

Так, в науке «идея — это и есть “придуманый”, “увиденный” (то есть найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации — за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий» (Ильенков, 1979: 118). Для А. Эйнштейна, согласно его «Автобиографическим заметкам», теория относительности была «актом отчаянья!» (см. Холтон, 1981: 127). По словам Г. Д. Гачева, «те ходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений» (Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР, 1976: 132).

Впрочем, творческая деятельность, являясь *реакцией* на жизненные неурядицы, конфликтность и *трагичность бытия*, очевидно (по принципу обратной связи), порождает повышенную чувствительность, открытость, ранимость ее субъектов, что основательно исследовано психологией и психофизиологией творчества.

И в связи с этим еще один сюжет. Размышления о смысле жизни, его поиски — значимый фактор в детерминации человеческого поведения, гораздо более значимый, чем это обычно предполагается. Жизнь каждого из нас — либо постоянный поиск смысла существования, или же *примирение с его отсутствием* («а жить-то надо!»), или *уверенность в обретенном смысле* (будь то служение Богу, или науке, или революции...). Вообще же человек чаще всего «не думает» об этом смысле («все это философия, метафизика!»). Но, не думая о смысле жизни, отгоняя от себя саму мысль о нем, человек действует в условиях выбора так, как будто он учитывает в своих действиях этот самый тщательно отгоняемый Смысл (Гишинский, 1990: 30–36; Гишинский, 1990: 112–114). Иметь или быть, созидать или разрушать, любить или ненавидеть — в значительной степени зависит от мировоззрения человека, его «смысла жизни». Другое дело, что само мировоззрение формируется под воздействием множества средовых факторов.

Осознание смертности — важнейший импульс человеческой активности, творчества. Страх смерти — источник философии, науки, искусства, религии. «Давайте попробуем проследить, на что же, в конечном счете, направлены все наши помыслы и дела, начиная от заготовки дров на зиму до Рафаэлевой Мадонны. Ведь только на преодоление смерти. Сначала мы хотим отодвинуть ее, сколько можно дальше в пределах нашего телесного бытия (дрова, пища, одежда и т. д.)... Однако, постигая предел телесной жизни, ее кратковременность, мы стремимся продлить ее в более устойчивых формах дела, дома и т. д. вплоть до самых высоких сфер литературы и искусства» (Трубников, 1996: 84). Т. Манн так объяснял творчество Л. Толстого: «Что же было всему основой? Плотский страх смерти». О страхе смерти как источнике искусств пишет Д. Лихачев. С точки зрения Е. Беккера, «из всего, что движет человеком, главным является ужас смерти... Смерть стала настоящей “музой философии”, начиная с Греции и кончая Хайдеггером и современным экзистенциализмом», да и героизм, прежде всего, — рефлекс ужаса смерти (Китаев-Смык, 1983: 254–255). Достойная «подготовка» к смерти — полнота Жизни, самоосуществление в созидании, творчестве. Как заметил великий знаток трагизма и абсурдности бытия Ф. Кафка, «тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх

перед смертью лишь результат *неосуществившейся жизни*». И не о том же ли хорошо известное утверждение Н. Островского, писателя, полярного Ф. Кафке: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Азбучные примеры осуждения за *научное творчество* (отстаиваемые научные идеи, представления) как *преступление* — смертный приговор Сократу (399 год до н. э.), сожжение на костре Джордано Бруно (1600) и Мигеля Сервета (1553), заточение в темнице Галилео Галилея (1633). Менее известно, что Синод православной христианской церкви обвинил Михаила Ломоносова в распространении в рукописи антиклерикальных произведений по статьям 18 и 149 Воинского Артикула Петра I, предусматривавшим смертную казнь. Представители православного духовенства требовали сожжения М. Ломоносова (!). Указом императрицы Елизаветы Петровны М. Ломоносов был признан виновным, однако от наказания освобожден. А. Лавуазье, знаменитый химик, был гильотинирован 8 мая 1794 года в Париже по решению революционного трибунала. Председатель трибунала, в ответ на апелляцию к мировой славе ученого, произнес: «Республика не нуждается в ученых»... Путь почти каждого по настоящему великого ученого — от осуждения к мировой славе (нередко, увы, посмертной).

Создается впечатление, что современники преследуют творцов — писателей, художников, композиторов, ученых, не говоря уже о политиках-реформаторах — едва ли не с большей ненавистью и последовательностью, нежели убийц, насильников и грабителей... И это относится далеко не только к давно прошедшим временам. И не только к массовым репрессиям ученых в годы гитлеровского и сталинского режимов. В наши дни осуждены известные российские ученые И. В. Сутягин, В. В. Данилов, И. А. Решетин, С. А. Визир, М. М. Иванов, А. В. Рожкин и другие...

Не могу не привести отрывок из выступления известного генетика В. П. Эфроимсона в 1985 году перед учеными после просмотра кинофильма «Звезда Вавилова» о жизни и смерти великого ученого Н. И. Вавилова, уничтоженного в сталинском ГУЛАГе: «Я пришел сюда, чтобы сказать правду. Мы посмотрели этот фильм... Я не обвиняю ни авторов фильма, ни тех, кто говорил сейчас передо мной... Но этот фильм — неправда. Вернее — еще хуже. Это — полуправда. В фильме не сказано самого главного. Не сказано, что Вавилов — не трагический случай в нашей истории. Вавилов — это одна из многих десятков миллионов жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы. Системы, которая уничтожила, по самым мягким подсчетам, пятьдесят, а скорее семьдесят миллионов ни в чем не повинных людей. И система эта — сталинизм. Система эта — социализм. Социализм, который безраздельно властвовал в нашей стране и который и по сей день не обвинен в своих преступлениях. Я готов доказать вам, что цифры, которые я называю сейчас, могут быть только заниженными.

Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали — “погиб в Саратовской тюрьме”... Он не погиб. Он — сдох! Сдох как собака. Сдох он от пеллагры — это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки... Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках... Так вот: великий ученый, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратовской тюрьме... И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...»

Правда, примеры из истории гитлеровской Германии и сталинского СССР, а также современной России имеют политическую подоплеку. Когда же мы рассматриваем научное творчество как позитивную девиантность, на первое место выходит нарушение канонов и догматов, парадигм самой «нормальной» науки. «Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими» (Кун, 1975: 43). Вот эта нетерпимость коллег и «общественности» к подлинным открытиям оборачивается нередко трагедией для их авторов. По мнению Н. Сторера, в науке существует «система наведения внутреннего порядка» (*internal police system*), обеспечивающая развитие «нормальной» науки и, очевидно, препятствующая ее «нарушителям» (Малкей, 1983: 119).

Концепция позитивных/негативных девиаций представляет не только теоретический интерес. Имеются многочисленные исследования, свидетельствующие о сложных соотношениях позитивных и негативных девиаций. В общем виде представляется, что рост позитивных девиаций может отражаться в снижении негативных и наоборот. В 1970-е годы мною была выдвинута *гипотеза баланса социальной активности* (Человек как объект социологического исследования, 1977: 103). Кратко она сводится к тому, что в обществе имеется некая вполне определенная «сумма» негативных, позитивных девиаций и нормопослушного поведения. Таким образом, существует гипотетическая возможность «замены» (замещения, вытеснения) некоторой доли негативных девиаций позитивными (и наоборот) или же вытеснение тех и других «нормальным» поведением. Последнее, правда, может вести к застою общества. Практически это означает, что предоставление обществом (государством) максимальных условий для развития творческой активности (научной, технической, художественной) должно сократить нежелательную для общества активность (преступность, наркотизм, пьянство и др.).

Общество постмодерна предоставляет неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; поболтать в скайпе с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись — «на весь свет» — в Интернете), в том числе для творчества, инноваций, и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения — *омницида...* *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков.* Мы же традиционно стремимся к «порядку», к запретам «плохого» — где ничего нельзя запретить (в Интернете!), и к «усилению наказаний» как «средству» уменьшить «плохое», порождая, в действительности, «худшее», ибо наказание еще никого никогда не «исправило» и не «перевоспитало» (Гишинский, 2013; Гишинский, 2011). При этом ничего не делается для расширения Свободы — творчества, инноваций, инакомыслия (*Freiheit zum Andersdenken!*) и инакодействий как двигателя прогресса и единственной альтернативы негативным девиациям, включая преступность.

Литература

Ben-Yehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // *Deviant Behavior*. 1990. Vol. 11, № 3. P. 221–243.

Heckert D. M. Positive Deviance: A Classificatory Model // *Free Inquiry in Creative Sociology*. 1998. № 26 (1). P. 23–30.

Kwasniewski J. Positive Social Deviance // *The Polish Sociological Bulletin*. 1976. № 3 (35). P. 31–34.

Sagarin E. Positive Deviance: An Ozymoron // Deviant Behavior. 1985. № 6. P.169–181.

Батушчев Г. С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека) // Человек, творчество, наука. М.: Наука, 1967 [Batishchev G. S. Tvorchestvo i ratsional'nost' (k opredeleniyu ponyatiya cheloveka) // Chelovek, tvorchestvo, nauka. M.: Nauka, 1967].

Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. № 12 [Vzaimodeystviye nauki i iskusstva v usloviyakh NTR // Voprosy filosofii. 1976. № 12].

Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. № 10 [Vzaimodeystviye nauki i iskusstva v usloviyakh NTR // Voprosy filosofii. 1976. № 10].

Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 2 [Gegel' G. V. F. Raboty raznykh let. V dvukh tomakh. M.: Mysl', 1971].

Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 506 [Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. M.: Mysl', 1975. T. 2].

Гилинский Я. И. Социальное насилие и... смысл жизни // Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. Информационные материалы. Вып. 6. М.: ИС АН СССР, 1990 [Gilinskiy Ya. I. Sotsial'noye nasiliye i ... smysl zhizni // Issledovaniye soznaniya i tsennostnogo mira sovetskikh lyudey v period perestroyki obshchestva. Informatsionnyye materialy. Vyp. 6. M.: IS AN SSSR, 1990].

Гилинский Я. И. Тема смерти — тема жизни: философия социологии // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый выпуск. СПб.: СПбГУ, 1995 [Gilinskiy Ya. I. Tema smerti — tema zhizni: filosofiya sotsiologii // Figury Tanatosa. Filosofskiy al'manakh. Pyatyuy vypusk. SPb.: SPbGU, 1995].

Гилинский Я. И. Уголовное право: возможности и пределы // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1 [Gilinskiy Ya. I. Ugolovnoye pravo: vozmozhnosti i predely // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. 2011. № 1].

Гилинский Я. И. Что же делать с преступностью? // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3 [Gilinskiy Ya. I. Chto zhe delat' s prestupnost'yu? // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. 2013. № 3].

Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982 [Gryaznov B. S. Logika, ratsional'nost', tvorchestvo. M.: Nauka, 1982].

Ильенков Э. В. Противоречия мнимые и реальные // Диалоги: Полемические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Политиздат, 1979 [Il'yenkov E. V. Protivorechiya mnimyye i real'nyye // Dialogi: Polemicheskkiye stat'i o vozmozhnykh posledstviyakh razvitiya sovremennoy nauki. M.: Politizdat, 1979].

Ионин Л. Г. Георг Зиммель — социолог. М.: Наука, 1981 [Ionin L. G. Georg Zimmel' — sotsiolog. M.: Nauka, 1981].

Йоас Х. Креативность действия. СПб.: Алитейя, 2005 [Yoas Kh. Kreativnost' deystviya. SPb.: Aliteyua, 2005].

Киссель М. А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976 [Kissel' M. A. Filosofskaya evolyutsiya Zh.-P. Sartra. L.: Lenizdat, 1976].

Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983 [Kitayev-Smyk L. A. Psikhologiya stressa. M.: Nauka, 1983].

Колупаев Г. П. и др. Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности (Патографические описания жизни и творчества великих людей). М.: Новь, 1999 [Kolupayev G. P. i dr. Ekspeditsiya v genial'nost': Psikhobiologicheskaya priroda genial'noy i odarennoy lichnosti (Patograficheskiye opisaniya zhizni i tvorchestva velikikh lyudey). M.: Nov', 1999].

Кречмер Э. Гениальные люди. СПб.: Академический проект, 1999 [Krechmer E. Genial'nyye lyudi. SPb.: Akademicheskii proyekt, 1999].

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975 [Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy. M.: Progress, 1975].

Кун Т. Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971 [Kun T. Nauchnoye otkrytiye i yego vospriyatiye. M.: Nauka, 1971].

Лесны И. О недугах сильных мира сего (властелины мира глазами невролога). Прага: Графит, 1990 [Lesny I. O nedugakh sil'nykh mira sego (vlasteliny mira glazami nevrologa). Praga: Grafrit, 1990].

Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983 [*Malkey M.* Nauka i sotsiologiya znaniya. M.: Progress, 1983].

Обсуждение методологических проблем творчества // Вопросы философии. 1979. № 3 [Obsuzhdeniye metodologicheskikh problem tvorchestva // Voprosy filosofii. 1979. № 3].

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992 [*Sorokin P.* Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1992].

Трубников Н. Н. О смысле жизни и смерти. М.: РОССПЭН, 1996 [*Trubnikov N. N.* O smysle zhizni i smerti. M.: ROSSPEN, 1996].

Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981 [*Kholton Dzh.* Tematicheskiy analiz nauki. M.: Progress, 1981].

Человек как объект социологического исследования / ред. Л. И. Спиридонов, Я. И. Гилинский. Л.: ЛГУ, 1977 [Chelovek kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya / red. L. I. Spiridonov, Ya. I. Gilinskiy. L.: LGU, 1977].

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21 [*Engel's F.* Lyudvig Feyyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii // Marks K., Engel's F. Soch. T.21].

ГАЛИНА ФЕОФАНОВНА ГОРДУКАЛОВА

доктор педагогических наук,
профессор кафедры документоведения и информационной аналитики
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: gfgord@mail.ru

Служение науке

В жизни Самуила Ароновича Кугеля был фронт, ордена, 9 Мая — как самый главный праздник во все лета. В науке Самуил Аронович тоже остается воином — отважным, стойким, неуклонным, строгим, взыскательным.

Великая удача — встретить на пути к своим исследованиям такого ученого. Ежегодно — большие и малые победы. Предметный указатель к его книге избранных работ покрывает практически все проблемное поле науковедения. Если прочесть книгу воспоминаний Самуила Ароновича, то их большую часть составляют описания проведенных им социологических исследований. Именно здесь ясно видится мудрость и последовательность автора. Точно так же поражают своим содержанием широко известные выпуски «Проблемы деятельности ученых и научных коллективов». Именно в них закладывался общероссийский интерес к исследованию научных школ, индикаторам оценки лидеров, вопросам мобильности ученых.

Школа С. А. Кугеля. Она удивительна уже тем, что в нее «поступить» легко, но выходить не хочется. Каждый сезон в ней дает слушателям позитивный заряд, которого хватает на год. Лишь однажды все участники Школы обратили внимание на внешность Самуила Ароновича, неотразимо похожего тем летом на Карла Маркса. А уж если посмотреть старые программы за 20 лет, то становится очевидным и яркое ядро участников, и динамика исследуемых проблем. На всяком заседании Самуил